

ЛАЗАРЕВА Валентина Александровна
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королёва,
Самара, Россия,
v.a.lazareva@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2725-9517>

LAZAREVA Valentina Aleksandrovna
Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,
Samara, Russia

ИСТИНА¹ И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

TRUTH AND ADVERSARIALISM IN CRIMINAL PROCEEDINGS: INTEGRATION CHALLENGES

Аннотация. Совместимость принципа состязательности уголовного судопроизводства с целью установления объективной истины является предметом постоянной научной дискуссии и причиной противоречивости актуального уголовно-процессуального законодательства. Попытка разрешения этих противоречий на основе теории интеграции публичности и состязательности уголовного процесса, разработанной в докторской диссертации Н.В. Ткачевой, являясь новым словом в науке, не могла не привлечь внимания. Цель: доказать, что состязательность уголовного судопроизводства не является препятствием установлению истины, не состоит с ней в дихотомическом противоречии, а представляет собой основной процедурный механизм ее установления путем столкновения противоположных позиций, взаимной критики доводов и возможности проверки аргументов независимым от сторон объективным и беспристрастным судом. Состязательность обеспечивает более надежное установление обстоятельств преступления по сравнению с односторонним собиранием и исследованием сведений о нем при условии рассмотрения уголовного процесса как совокупности двух взаимосвязанных, но самостоятельных производств – досудебного и судебного. Методология исследования опирается на диалектическое понимание истины как соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела и концептуальные основы теории юридического процесса. В качестве методологической рамки исследования используется логико-доказательственный подход: уголовно-процессуальное доказывание понимается как логическое обоснова-

Abstract. The compatibility of the adversarial principle in criminal proceedings with the goal of establishing objective truth remains a subject of ongoing scholarly debate and a source of contradictions within current criminal procedure legislation. The attempt to resolve these contradictions based on the theory of integrating the public interest and adversarial principles in criminal procedure, developed in N.V. Tkacheva's doctoral thesis, represents a novel contribution to legal scholarship and has inevitably attracted significant attention. Purpose: to prove that the adversarial nature of criminal proceedings does not hinder the ascertainment of truth, nor does it stand in a dichotomous contradiction with it; rather, it represents the primary procedural mechanism for its determination through the clash of opposing positions, mutual criticism of arguments, and possibility of verifying claims by an independent, objective, and impartial court. Adversarial proceedings ensure a more reliable establishment of the circumstances of a crime compared to the one-sided collection and examination of evidence, provided that criminal justice is viewed as the totality of two interconnected but independent stages – pre-trial and trial. The research methodology relies on a dialectical understanding of truth as the correspondence of court findings to the factual circumstances of the case, as well as the conceptual foundations of legal process theory. A logical-argumentative approach is employed as the methodological framework: criminal procedural proof is understood as the logical substantiation of the thesis of guilt or innocence. The adversarial procedure is interpreted as a mechanism for ensuring the completeness and critical examination of arguments: the mutual refutation of the parties' claims enhances the reliability of the final conclusion and thus serves as a means of achieving truth. The formal-legal method revealed the normative content of requirements for evidence and adversarial procedures. Through the systemic approach, it is shown how norms on the admissibility

© Лазарева В.А., 2026

1 В контексте данной статьи термин «истина» используется не как абсолютное соответствие выводов суда действительности, что невозможно, а как достижение такой степени доказанности, которая позволяет суду обоснованно принять решение на основе непосредственно исследованных в судебном заседании доказательств.

ние тезиса о виновности (невиновности). Составительная процедура трактуется как механизм обеспечения полноты и критичности проверки аргументов: взаимное опровержение доводов сторон повышает надежность итогового вывода и тем самым служит средством достижения истины. Формально-юридический метод позволил раскрыть нормативное содержание требований к доказательствам и состязательным процедурам. С использованием системного метода показано, как нормы о допустимости и всесторонней проверке доказательств образуют единую систему гарантий достоверности результата, а использование логико-аналитического метода позволило рассмотреть состязательное столкновение позиций как средство повышения надежности итоговых выводов суда. В результате исследования обосновано, что состязательность не противоречит цели установления истины, а является ее основным процедурным механизмом. Составительная модель судопроизводства повышает вероятность установления истины за счет механизмов проверки и опровержения, хотя и не гарантирует ее автоматически.

Ключевые слова: уголовный процесс, юридический процесс, уголовное судопроизводство, досудебное производство, независимость суда, равноправие сторон, состязательность, истина, публичность

Для цитирования: Лазарева В.А. Истина и состязательность в уголовном процессе: проблемы интеграции / В.А. Лазарева. – DOI 10.33184/pravgos-2026.3.10 // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 3. – С. 82–90.

and comprehensive verification of evidence form a unified system of guarantees for the reliability of the outcome, while the logical-analytical method allows for considering the adversarial clash of positions as a means of increasing the validity of the court's final conclusions. The study substantiates that adversarialism does not conflict with the goal of establishing truth; rather, it serves as its primary procedural mechanism. The adversarial model of legal proceedings increases the probability of truth-finding through mechanisms of verification and refutation, although it does not automatically guarantee it.

Keywords: criminal procedure, legal process, criminal proceedings, pre-trial proceedings, judicial independence, equality of arms, adversarialism, truth, public interest principle

For citation: Lazareva V.A. Truth and Adversarialism in Criminal Proceedings: Integration Challenges. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 3, pp. 82–90. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2026.3.10.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации переживает очередной кризис, причиной которого является систематическое колебание между двумя направлениями его развития: стремлением к установлению истины как цели уголовно-процессуальной деятельности и состязательностью как конституционным принципом осуществления правосудия. Теория уголовного процесса традиционно противопоставляет истину и состязательность как несовместимые правовые категории, характеризующие разные типы уголовно-процессуальной деятельности на различных этапах ее развития [1; 2]. Принято считать, что УПК РСФСР 1960 г. базировался на концепции объективной истины, а УПК РФ воплотил в себе идею состязательного судопроизводства [3],

активно развиваемую на основе решений Конституционного Суда. Обе концепции оказались востребованными в науке, что отразилось на противоречивом развитии уголовно-процессуального законодательства. Составительное начало уголовного процесса допускает в определенных пределах свободу субъектов в распоряжении своими процессуальными правами, в том числе в форме полного или частичного отказа от их реализации, таких, например, как особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК), досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК), производство дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК), прекращение уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа (гл. 51.1 УПК), прекращение уголовного преследования в связи с призывом

на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 28.1 УПК). Во всех этих процедурах принятие итогового процессуального решения обусловлено определенным соглашением участвующих сторон, не предполагающим безусловной доказанности обвинения, которую можно было бы рассматривать как основание истины. Однако, расширяя диспозитивные возможности сторон, закон в то же время сохраняет и усиливает гарантии установления истины, в частности обязывает суд возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению (ст. 237 УПК), что указывает на сохраняющееся стремление к полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств преступления, которое воплощает в себе требование установления истины, особенно после ряда внесенных в УПК РФ изменений, расширивших перечень препятствий к рассмотрению дела. Поэтому в научных исследованиях вновь и вновь возникает вопрос о возможности совмещения в уголовном процессе истины и состязательности [4; 5].

Ярким словом в указанном научном направлении и поводом к настоящему исследованию стала докторская диссертация Натальи Викторовны Ткачевой «Интеграционная модель производства по рассмотрению и разрешению по существу уголовных дел в суде первой инстанции» [6], содержащая неоднозначные суждения о взаимодействии розыскного и состязательных начал уголовного процесса.

Основная проблема уголовно-процессуального права

Суть научной концепции, представленной в диссертации Н.В. Ткачевой, заключается в обосновании такой модели производства по уголовному делу в суде первой инстанции или уголовного судопроизводства в подлинном (узком) смысле этого словосочетания, которая была бы способна преодолеть непродуктивную, как отмечается, дихотомию «инквизиционность – состязательность» и

обеспечить переход от конфликта принципов публичности и состязательности к их диалектическому единству и процессуальному балансу. Удалось ли решить эту задачу? На наш взгляд, нет. Однако это не вина автора диссертации, это вина, а точнее, что еще хуже, ошибка авторов проекта УПК РФ, заложивших под его основание мину замедленного действия – закрепивших состязательность уголовного судопроизводства в качестве принципа всего уголовного процесса, распространивших его на досудебное производство и давших тем самым основание для противопоставления публичности и состязательности. Попробуем разобраться.

Инквизиционность (в корневом значении – розыск, сыск, расследование), если отказаться от негативного идеологического штампа, является всего лишь характеристикой деятельности [7; 8], направленной на раскрытие преступления, установление и избличение лиц, его совершивших, путем тщательного, а значит, полного и всестороннего исследования оставленных преступлением следов и объективной оценки полученных результатов. Требование ст. 20 УПК РСФСР выражало инквизиционную, то есть следственную идеологию досудебной части уголовного процесса, которая ошибочно была распространена и на его судебную часть. Вместо подчинения досудебного производства задачам судопроизводства, выраженного известной формулой «до суда и для суда» [9, с. 40], мы и в УПК РФ закрепили досудебное производство как часть судопроизводства (п. 56 ст. 5 УПК РФ), а уравняв это понятие с понятием «уголовный процесс» (п. 58 ст. 5 УПК РФ), возвысили статус следственной деятельности до уровня судебной. Однако вместо ожидаемого повышения качества следственной деятельности мы получили падение уровня принципиальной требовательности к ней со стороны деятельности судебной и, как следствие, падение уровня авторитета судей и осуществляемого ими правосудия. Попытка преодолеть ошибку единства целей и задач следственных и судебных органов, предпринятая законодателем на рубеже XX и XXI вв., оказалась неэффективной, а последующее стремление усовершенствовать УПК РФ можно оценить как последовательное движение в обратном направлении

к «инквизиционному судопроизводству» [10, с. 9]. И хотя автор этой формулы имел в виду уголовный процесс в целом, она, эта самая формула, бьет не в бровь, а в глаз. Неразделенность предварительного расследования и суда в их усиливающемся стремлении к тому, что привычно называется объективной истиной, есть не что иное, как проявление непреодоленной инквизиционной (следственной) идеологии уголовно-процессуального права советского периода.

УПК РСФСР нацеливал на правильное, всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств совершенного преступления как средство познания истины в публичном процессе не только прокурором, следователем и лицом, производящим дознание, но и судом (ст. 20). При этом публичность, вопреки авторитетному мнению В.А. Азарова [11], не относилась тогда и не относится сейчас к числу уголовно-процессуальных принципов, являясь категорией более высокой общности [12]. Публичность бесспорно свойственна и судебной деятельности, однако в отличие от досудебной она конкурирует здесь с диспозитивным началом [13], обеспечивающим большую свободу в выборе процессуальных действий и решений для его властных субъектов, организационно и функционально не зависящих друг от друга, и значительные процессуальные возможности для обвиняемого, защитника и других невластных участников. Судебное производство, как форма реализации публичной власти и способ достижения справедливости при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, в отличие от досудебного, предполагает не только свободу сторон распоряжаться своими правами, но и баланс их интересов, выражением которого является конституционный принцип состязательности. Это обстоятельство коренным образом меняет содержание публичности – судопроизводство является не только формой реализации государственной власти, но и средством (судебной) защиты интересов, прав и свобод обвиняемого от той же самой публичной власти, которая представлена в суде государственным органом обвинения. Состязательность не противоречит публичности, а, напротив, обеспечивает ее наилучшую реализацию. Ее главный смысл

не исчерпывается широко распространенным представлением о равноправии противоборствующих сторон (ч. 4 ст. 15 УПК), он прежде всего требует отделения судебной деятельности от деятельности обвинительной: суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или защиты (ч. 3 ст. 15 УПК). А это значит, что на суд не могут быть возложены обязанности по изобличению обвиняемого, ему не принадлежит инициатива собирания дополнительных доказательств и он не вправе выйти за пределы того обвинения, которое составляет предмет судебного разбирательства. Любые попытки пересмотреть важнейшие характеристики справедливого судебного разбирательства под предлогом стремления к установлению истины разрушают конституционный баланс, сформированный системой принципов уголовного судопроизводства. При этом речь не идет, как может показаться, о балансе публичного и частного интересов. Признание сферой публичных интересов права обвиняемого быть судимым справедливым судом и в справедливой процедуре есть актуальная цель культурного развития общества и стабильности его правовой системы.

Первый шаг в этом направлении наш законодатель сделал, разделив уголовный процесс на досудебное и судебное производство [14], однако фактического разделения не произошло. Принципы, цели, задачи уголовного процесса, система его участников, правила доказывания, сформулированные как общие для процессуальных производств, создают иллюзию единства уголовно-процессуальной деятельности, хотя она осуществляется органами различных ветвей государственной власти, выполняющими не просто разные, а несовместимые друг с другом функции в различающихся процедурных формах и условиях. Как отмечала И.Б. Михайловская, принципы уголовного процесса всегда будут неким ориентиром в выборе средств достижения желаемой цели, но формы их действия на разных стадиях испытывают на себе влияние частной задачи, стоящей перед конкретной стадией [15].

Методологическая ошибка непонимания принципиальных различий сущности, целей и задач досудебного и судебного произ-

водств приводит к некритическому переносу характеристики одного вида деятельности на другой и поиску путей преодоления возникающих вследствие этого переноса непреодолимых противоречий, восприятию уголовно-процессуального права как механизма реализации «социальной потребности в защите от преступности» [16, с. 133]. Но таких путей не существует, указанное противоречие не может быть преодолено в рамках действующей в Российской Федерации модели уголовного процесса. Решение этой задачи возможно лишь применительно к каждому из двух отделенных друг от друга этапов уголовно-процессуальной деятельности по принципу «богу – богово, а кесарю – кесарево».

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК СОВОКУПНОСТЬ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ

Поскольку органы расследования и судебные органы принадлежат разным ветвям власти – исполнительной и судебной [17], ни одна из которых не должна заходить на чужое поле и каждая должна нести ответственность за свои результаты, ошибки досудебного производства могут и должны быть исправлены самим органом досудебного производства и в ходе досудебного производства, для чего действующий закон предоставляет достаточно возможностей. Следовательно вправе производить любые следственные действия, формулировать обвинение и определять его объем, юридическую квалификацию, учитывая позиции участников уголовного процесса, имеющих право знакомиться с материалами расследования, указания руководителя следственного органа и прокурора, вплоть до направления уголовного дела в суд. Однако, утвердив обвинительное заключение, равно как и обвинительный акт, постановление, прокурор фиксирует объем претензий государства к обвиняемому и определяет не только предмет, но и пределы судебного разбирательства. Поворот к худшему после принятия судом дела к своему производству невозможен: закон, предоставивший обвинительной власти достаточные полномочия, средства и время для формулирования и обоснования обвинения, обязан предоставить соответствующие гарантии и обвиняемому. До принятия

судом уголовного дела к своему производству (а предварительное слушание должно быть обязательным элементом этой процедуры) прокурор, как представляется, имеет право «забрать дело на доработку». Допуская возможность появления обстоятельств, свидетельствующих о совершении более тяжкого преступления, например, в случае смерти потерпевшего после направления дела в суд, можно обсудить перспективу приостановления судебного производства до окончания расследования новых обстоятельств, предъявления нового обвинения с последующим принятием решения о соединении материалов уголовных дел. Однако в рамках действующих уголовно-процессуальных правил принявший дело к своему производству суд правомочен рассматривать его лишь в пределах предъявленного обвинения, на что однозначно и недвусмысленно указывает ст. 252 УПК РФ и чему не соответствует утверждение Н.В. Ткачевой, что «активность суда – это не произвол, а ценностно-обусловленное усмотрение, направленное на обеспечение примата субстантивной справедливости над формальной состязательностью в случаях их системного противоречия» [6, с. 267], «не нарушение состязательности, а восстановление ценностной иерархии, где гарантия правосудия по существу стоит выше формального разделения функций» [6, с. 275]. Это самое «формальное» разделение функций на самом деле и является важнейшей гарантией справедливого правосудия. Не случайно половина опрошенных Н.В. Ткачевой прокуроров и адвокатов не поддерживают идею расширения пределов судейской активности.

В основе приведенных ошибочных, на наш взгляд, утверждений, как представляется, лежит неправомерное противопоставление инквизиционности уголовного процесса его же состязательности, которые не образуют дихотомическую пару, поскольку характеризуют **разные виды** уголовно-процессуальной деятельности. Это обстоятельство действительно не учтено в достаточной мере нашим законодателем, игнорирующим очевидное: расследование преступления и судебное рассмотрение дела о преступлении – разные, самостоятельные и непарные виды деятельности, разные юридические процессы [18; 19], опирающиеся в своем развитии на разные

парадигмы как совокупности теоретических установок, методов и стандартов [20]. Следуя этим путем и используя примененную Н.В. Ткачевой терминологию, позволительно говорить о дихотомии, то есть непримиримом противоречии обязанности суда устранять под предлогом публичности ошибки обвинения и адресованном ему же требовании сохранять при рассмотрении дела объективность и беспристрастность. Одно с другим в состязательном процессе действительно несовместимо, так как, устраняя ошибки стороны обвинения, суд помогает прокурору доказать обвинение, а значит, утрачивает объективность и беспристрастность. Фактически именно Н.В. Ткачева и воссоздает в своей конструкции упомянутую выше «непродуктивную дихотомию», рассматривая суд как орган, обязанный преодолевать «доказательственные дефициты» путем самостоятельной инициативы в поиске новых доказательств и использования их в том числе для изменения юридической оценки обвинения в сторону ее ухудшения для обвиняемого как непосредственно в суде, так и путем применения ст. 237 УПК РФ [6, с. 279]. Использование автором термина «устранение доказательственных дефицитов» направлено на создание иллюзии нейтральной деятельности суда. Однако на практике дефицит доказательств обвинения – это не что иное, как неполнота предварительного расследования, фактически недоказанность обвинения, которую законодатель сознательно и совершенно обоснованно еще в 2001 г. исключил из перечня оснований для возвращения уголовного дела прокурору. Замена термина «неполнота» на «дефицит» не меняет сути – в новой терминологической интерпретации суду предлагается выполнять функцию, которая законом возложена на органы предварительного расследования. При этом игнорируется включенное в содержание нормативной формулы принципа состязательности прямое требование закона: суд не является органом уголовного преследования, он не выступает на стороне обвинения или защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Здесь, как говорится, ни прибавить, ни убавить, ни понять волю законодателя как-то иначе невозможно. Sapienti sat.

Публичность уголовного процесса и состязательность судебного разбирательства не противоречат друг другу: судебная защита прав обвиняемого, как более слабой стороны² в этом процессе, соответствует назначению уголовного процесса, охватывается его целями и задачами. Процедура, не обеспечивающая полноценную защиту обвиняемого, не является ни справедливой, ни законной в высоком значении этого слова, а публичность – не принцип уголовного процесса, не одно из общих условий уголовно-процессуальной деятельности, а объективная характеристика рассматриваемой сферы функционирования публичной же государственной власти, реализуемой в системе уголовно-процессуальных принципов. При этом уголовный процесс, представляемый как монолитная конструкция, организованная на основе единой системы принципов, на самом деле таковым не является. Каждая из двух его частей – досудебное производство и судебное производство – обладает специфичным содержанием и соответствующей ему формой, собственными основаниями и задачами, то есть такой совокупностью характеристик, которая позволяет отнести ее к самостоятельному виду юридического процесса. Уголовный процесс, таким образом, состоит из двух связанных между собой, но самостоятельных видов деятельности, двух уголовно-процессуальных производств, двух юридических процессов, что не мешает им подчиняться общим принципам, тем более что эти принципы имеют конституционный статус и в воспроизведении на отраслевом уровне не нуждаются. Пожалуй, именно этот вопрос и является краеугольным, определяющим пути и возможности преодоления противоречивости правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности, а следовательно, и его совершенствования.

Принципиальное различие двух юридических процессов – инквизиционного (следственного) и состязательного (судебного) – делает невозможным функционирование их в рамках предложенной Н.В. Ткачевой интегративной модели, в которой арбитражная, как автор ее называет, функция суда сосед-

² Трудно удержаться от замечания, но если суд должен помогать прокурору устранять доказательственные дефициты, не означает ли это, что именно прокурор рассматривается Н.В. Ткачевой в качестве слабой стороны?

ствует с его обязанностью устранять дефицит обвинительных доказательств, восполняя пробелы в доказанности обстоятельств преступления. Инквизиционность и состязательность – не принципы уголовного процесса, а сущностные характеристики, определяющие форму и содержание досудебного и судебного производств как последовательно сменяющих друг друга различных видов уголовно-процессуальной деятельности. Ни одна, ни другая сами по себе не гарантируют полного и правильного установления обстоятельств преступления, но, дополняя и усиливая друг друга в постоянном взаимодействии, инквизиционное и состязательное начала обеспечивают полноту, всесторонность и объективность выявления и исследования подлежащих доказыванию обстоятельств, а значит и справедливость итогового решения.

Непоследовательность и недостаточная четкость правового регулирования, порождающая дискуссионность предписаний уголовно-процессуального закона, является в то же время следствием этой дискуссионности. Обращаясь к уголовно-процессуальному закону, мы видим два неодинаковых подхода даже к определению его базовых положений, то есть принципов. В отличие от действующего закона УПК РСФСР 1960 г. не выделял в отдельную главу правила, которые принято было считать принципами уголовного процесса. Законодатель разместил их тогда в одном ряду с задачами уголовного судопроизводства (ст. 2), обстоятельствами, исключающими производство по уголовному делу (ст. 5), основаниями и порядком прекращения уголовных дел (ст. 6–9), понятием частного определения (ст. 21.2) и многими другими, достаточно общими, но явно не принципиального характера правилами. Вследствие этого система принципов в значительной мере формировалась теоретиками, имеющими, что естественно, различные предпочтения, которые не могли не сказаться на некоторой противоречивости и нового Уголовно-процессуального кодекса. Однако в нем, в УПК 2001 г., четко и недвусмысленно зафиксирован главный итог реформы уголовного судопроизводства, позволяющий преодолевать отдельные неточности правового регулирования. Норма, возлагающая на суд обязанность принять все предусмо-

тренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства в той же мере, что на следователя и прокурора (ст. 20 УПК РСФСР), не была воспринята Кодексом 2001 г. Возложив обязанность доказывания уличающих обвиняемого обстоятельств и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, на органы уголовного преследования (ст. 14), законодатель предопределил перспективы развития и совершенствования уголовно-процессуального права, снял лейбл дискуссионности с вопросов о том, является ли обязанность суда полно, объективно и всесторонне исследовать обстоятельства уголовного дела обязанностью установить истину, совпадает ли эта обязанность с обязанностью доказывания, на кого она должна быть возложена и совместима ли с состязательностью уголовного судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная проблема российского уголовно-процессуального права, как представляется, обусловлена ошибочной интерпретацией концепции смешанного типа уголовного процесса, объединяющей досудебное и судебное производства в единое целое и отождествляющей вопреки логике понятия «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Рассматривая уголовный процесс как последовательность двух самостоятельных, но взаимосвязанных юридических процессов [21], можно говорить о концептуальных ошибках законодателя, игнорирующего сущностные особенности правоохранительного досудебного производства и юрисдикционного судебного процесса.

Принципиальные различия в содержании, форме и целях деятельности органов расследования и суда требуют организационной, функциональной и юридической самостоятельности расследования и судопроизводства. Уголовный процесс не является цельной, монолитной конструкцией. Каждая из двух его частей обладает специфичным содержанием и формой деятельности, собственным субъектным составом, основаниями и целями, совокупность которых позволяет считать их отдельными производствами. Именно такая организация уголов-

но-процессуальной деятельности наилучшим образом позволяет реализовать свойственную российской ментальности потребность в справедливости и достижении истины.

Состязательность уголовного судопроизводства не противоречит общей цели уголовного процесса, состоящей в установлении истины, а является основным процедурным механизмом достижения этой цели за счет механизмов проверки и опровержения сторонами судебного разбирательства аргументов противоположной стороны в условиях объективно мыслящего суда, не вовлеченно-

го сторонами в реализацию своих намерений. Состязательность является механизмом установления истины не потому, что суд обязан активно восполнять пробелы в доказывании, а потому, что именно в состязательной процедуре обеспечивается максимальная критичность и проверяемость доводов сторон. Суд, оставаясь беспристрастным арбитром, гарантирует, что итоговый вывод основан не на материалах предварительного расследования, а на доказательствах, которые были надлежащим образом исследованы и проверены в судебном заседании.

Список источников

1. Печников Г.А. О несовместимости самодостаточной состязательности с объективной истиной в состязательном УПК РФ / Г.А. Печников // Лоббирование в законодательстве. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 57–62.
2. Резник Г. Защитник 80-го уровня / Г. Резник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2021. – 255 с. – (Адвокатские тайны).
3. Еникеев З.Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса / З.Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3 (39). – С. 14–17.
4. Ланг П.П. Диалектика принципа состязательности: от правового противоборства к достижению объективной истины / П.П. Ланг // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 11. – С. 523–525.
5. Грачев С.А. Возвращение принципа объективной истины как отказ от состязательности уголовного судопроизводства / С.А. Грачев, А.Ю. Ушаков // Четвертые Бабаевские чтения «Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 23–24 мая 2013 г. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 291–300.
6. Ткачева Н.В. Интегративная модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в суде первой инстанции: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Н.В. Ткачева. – Челябинск, 2026. – 513 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_tkachevoy_nv.pdf (дата обращения: 15.07.2026).
7. Конев А.Н. Следственная (инквизиционная) идеология в современном уголовном процессе: проблема имени / А.Н. Конев // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 8–12.
8. Тарасов А.А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 64–71.

REFERENCES

1. Pechnikov G.A. On the Incompatibility of Self-sufficient Adversarialism with Objective Truth in the Adversarial Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Lobbying in the Legislative Process*, 2024, vol. 3, no. 1. pp. 57–62. (In Russian).
2. Reznik G. 80th Level Defender. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2021. 255 p.
3. Enikeev Z.D. Problems of Truth in Light of the Principle of Adversarial Proceedings. *Russian Law Journal*, 2003, no. 3 (39), pp. 14–17. (In Russian).
4. Lang P.P. The Dialectic of the Principle of Competition: From the Legal Struggle to Achieve Objective Truth. *Law and State: Theory and Practice*, 2025, no. 11, pp. 523–525. (In Russian).
5. Grachev S.A., Ushakov A.Yu. The Return of the Principle of Objective Truth as a Refusal of the Adversarial Nature of Criminal Proceedings. *The Fourth Babaev Readings "State-Legal Laws: Theory, Practice, Technique". Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, May 23–24, 2013*. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2013, vol. 1, pp. 291–300. (In Russian).
6. Tkacheva N.V. An Integrative Model of Proceedings for the Consideration and Resolution of Criminal Cases on the Merits in the Court of First Instance. *Doct. Diss. Chelyabinsk*, 2026. 513 p. Available at: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_tkachevoy_nv.pdf.
7. Konev A.N. The Investigative (Inquisitorial) Ideology in Modern Criminal Proceedings: The Name Problem. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 8–12. (In Russian).
8. Tarasov A.A. Russian Criminal Procedure: Both Inquisition and Adversary. *Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 64–71. (In Russian).
9. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. 2. 560 p.
10. Tomin V.T. Criminal Procedure: Current Problems of Theory and Practice. Moscow, Yurait Publ., 2009. 376 p.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – Т. 2. – 560 с.
10. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. – Москва : Юрайт, 2009. – 376 с.
11. Азаров В.А. Возвращение к истокам – главный тренд укрепления национальной идентичности уголовного процесса России / В.А. Азаров // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 8–17.
12. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2009. – 420 с.
13. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. – Москва, 2000. – 555 с.
14. Манова Н.С. Досудебное и судебное производства: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н.С. Манова ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2003. – 228 с.
15. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. – Москва, 2003. – 212 с.
16. Победкин А.В. Публичность уголовного судопроизводства и ее отражение в доказательственном праве / А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 132–138.
17. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография / П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА: ИНФРА-М, 2010. – 238 с.
18. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Павлушина. – Самара, 2005. – 459 с.
19. Солдатова О.Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.Е. Солдатова. – Барнаул, 2014. – 181 с.
20. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И.З. Налетова ; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с.
21. Вершинина С.И. Уголовный процесс России: концептуальные ошибки и способы их преодоления / С.И. Вершинина, В.А. Лазарева // Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 137–150.
11. Azarov V.A. Returning to the Origins: A Key Trend in Strengthening the National Identity of Russia's Criminal Process. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2026, no. 1, pp. 8–17. (In Russian).
12. Barabash A.S. Public Principle of Russian Criminal Procedure. Saint Petersburg: Juridical Center Press Publ., 2009. 420 p.
13. Maslennikova L.N. Public and Dispositive Principles in Criminal Proceedings in Russia. *Doct. Diss.* Moscow, 2000. 555 p.
14. Manova N.S.; Kornukov V.M. (ed.). Pre-trial and Trial Proceedings: Essence and Problems of Differentiation of Procedural Forms. Saratov State Academy of Law Publ., 2003. 228 p.
15. Mikhailovskaya I.B. Objectives, Functions, and Principles of Russian Criminal Procedure (Criminal Procedure Form). Moscow, 2003. 212 p.
16. Pobedkin A.V. Publicity of the Criminal Proceedings and Its Reflection in the Evidentiary Law. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 4 (48), pp. 132–138. (In Russian).
17. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. 2nd ed. Moscow, NORMA: INFRA-M Publ., 2010. 238 p.
18. Pavlushina A.A. Theory of Legal Procedure: Problems and Development Prospects. *Doct. Diss.* Samara, 2005. 459 p.
19. Soldatova O.E. Legal Procedure (Theoretical and Legal Aspect). *Cand. Diss.* Barnaul, 2014. 181 p.
20. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
21. Vershinina S.I., Lazareva V.A. Russian Criminal Process: Conceptual Mistakes and How to Overcome Them. *State and Law*, 2026, no. 3, pp. 137–150. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазарева Валентина Александровна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazareva Valentina Aleksandrovna – Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute.

Статья поступила в редакцию 10.08.2026; одобрена после рецензирования 23.08.2026; принята к публикации 23.08.2026. The article was submitted 10.08.2026; approved after reviewing 23.08.2026; accepted for publication 23.08.2026.